

ЛЮБОВЬ, СМЕРТЬ, РОК-Н-РОЛЛ

A woman with blonde hair, wearing a black leather jacket, is shown in profile, looking to the right. Her hair is blowing in the wind. The background is a vibrant red with black musical notes and splatters. The title 'ДЕВУШКА С ПЛЕЕРОМ' is written in large, bold, red capital letters across the middle of the image.

ДЕВУШКА С ПЛЕЕРОМ

Валентина Назарова

Trendbooks thriller

Валентина Назарова

Девушка с плеером

«Издательство CLEVER»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Назарова В. В.

Девушка с плеером / В. В. Назарова — «Издательство CLEVER»,
2019 — (Trendbooks thriller)

ISBN 978-5-00154-122-6

Сестра Ники пропала при загадочных обстоятельствах. Британская полиция не смогла найти Джен – русская девчонка подрабатывала в баре и дружила с местными рокерами. Она изначально была в группе риска. Восемь лет спустя Нике попадает видеозапись, сделанная через несколько дней после официальной даты исчезновения Джен. Возможно, она все еще жива? В прошлом Джен осталось много секретов. Рассказы лучших подруг сестры не совпадают в деталях, знакомые избегают разговоров о ней. Кому могла помешать девушка, у которой не было ничего, кроме старого плеера?

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00154-122-6

© Назарова В. В., 2019
© Издательство CLEVER, 2019

Содержание

Плейлист	6
История переписки	8
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Валентина Назарова

Девушка с плеером

Text Copyright © 2019 Валентина Назарова

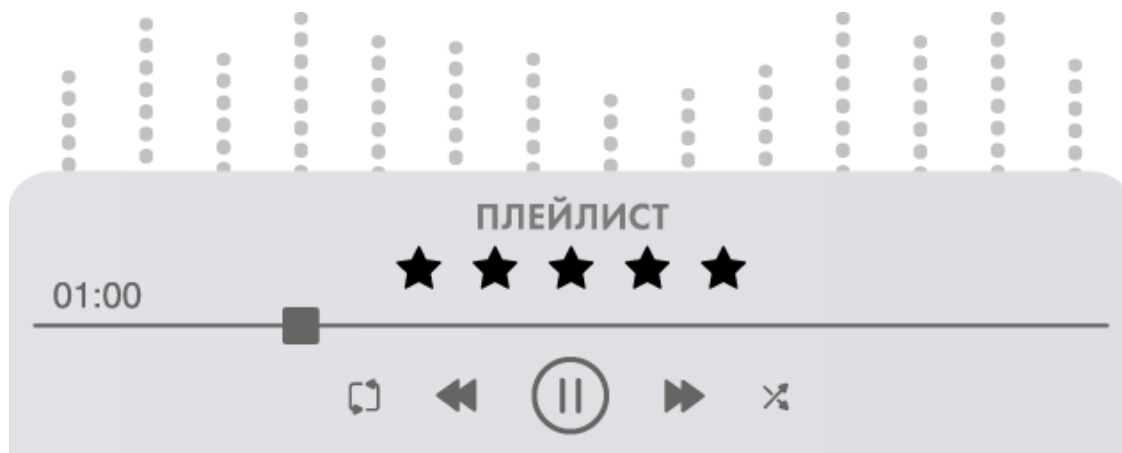
© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2019

Автор изображения на обложке Clique Images

Изображение на обложке использовано с разрешения <https://www.stocksy.com/2207407/girl-tossing-hair-in-darkroom?vs=1> Издательство благодарит Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency за содействие в приобретении прав

* * *

Плейлист

1. **Nirvana** – «Lithium»
2. **My Chemical Romance** – «The Ghost of You»
3. **Arcade Fire** – «We Used to Wait»
4. **The Killers** – «Bones»
5. **Radiohead** – «How to Disappear Completely»
6. **The Enemy** – «We'll Live and Die in These Towns»
7. **The Specials** – «Ghost Town»
8. **The Clash** – «Should I Stay or Should I Go»
9. **The Smiths** – «Back to the Old House»
10. **The Cure** – «Secrets»
11. **Elvis Perkins** – «While You Were Sleeping»
12. **Bright Eyes** – «Devil Town»
13. **Bloc Party** – «Like Eating Glass»
14. **Kooks** – «Ooh La»
15. **Incubus** – «Monuments and Melodies»
16. **Nick Cave and The Bad Seeds** – «The Kindness of Strangers»
17. **The Streets** – «Dry Your Eyes»
18. **The Fratellis** – «Chelsea Dagger»
19. **The Libertines** – «Can't Stand Me Now»
20. **Kasabian** – «Shoot the Runner»
21. **Oasis** – «Don't Look Back in Anger»
22. **The Wombats** – «Let's Dance to Joy Division»
23. **Razorlight** – «In the Morning»
24. **The Pigeon Detectives** – «I Found Out»
25. **Kings of Leon** – «Fans»
26. **Pulp** – «Common People»
27. **The Smiths** – «Charming Man»
28. **Bloc Party** – «Hunting for Witches»
29. **The Libertines** – «What Katie Did»
30. **Tom Waits** – «Watch Her Disappear»
31. **MGMT** – «Indie Rokkers»
32. **The Cure** – «A Forest»
33. **Arctic Monkeys** – «Leave Before the Lights Come on»

34. **Stars** – «Your Ex-Lover is Dead»
35. **Radiohead** – «Climbing up the Walls»
36. **Bloc Party** – «I Still Remember»
37. **Kubb** – «Burn Again»
38. **Interpol** – «All Fired up»
39. **The Maccabees** – «About Your Dress»
40. **Smashing Pumpkins** – «The Beginning is the End Is the Beginning»
41. **Placebo** – «The Bitter End»
42. **My Chemical Romance** – «Famous Last Words»
43. **Bright Eyes** – «Easy/Lucky/Free»
44. **Babyshambles** – «Delivery»
45. **Dirty Pretty Things** – «Truth Begins»
46. **Crystal Castles** – «Oimewave»
47. **Kasabian** – «Club Foot»
48. **Pulp** – «Sorted for E's & Wizz»
49. **Blur** – «Parklife»
50. **Bright Eyes** – «Down in a Rabbit Hole»
51. **Radiohead** – «Videotape»
52. **Interpol** – «Evil»
53. **Black Rebel Motorcycle Club** – «Need Some Air»
54. **The Libertines** – «What Became of the Likely Lads»
55. **Tricky** – «Veronika»
56. **The Killers** – «Midnight Show»
57. **Placebo** – «Protect Me From What I Want»
58. **Royal Blood** – «Blood Hands»
59. **The Libertines** – «Gunga Din»

For the boys in the band

Я мечтаю вновь быть с тобой и бродить у моря, там, где мы сможем болтать обо всем на свете и строить свои замки в облаках.

Брэм Стокер «Дракула»

История переписки

From: Ника

23 апреля 2007, понедельник

Женя, привет!

С днем рождения тебя! Мама говорит, 21 – самое совершеннолетнее совершеннолетие. И еще она спрашивает, надела ли ты голубое платье, которое она подарила. Пришли фотографию! Она скучает по тебе, как и я.

Спасибо, что сделала мне страницу в соцсети! Теперь сможем чаще общаться, ведь правда?

Люблю,

твоя сестра Ника

Status: *прочитано*

From: Женя

24 апреля 2007, вторник

Малышка,

спасибо за поздравления! Фотографию пришлю, обещаю.

Кстати, я собираюсь приехать в августе.

Поцелуй от меня маму.

Ж.

Status: *прочитано*

From: Ника

4 мая 2007, пятница

Женя,

я нашла твой старый плеер. Можно я возьму его себе?

Status: *прочитано*

From: Женя

6 мая 2007, воскресенье

Ника,

конечно, бери! Только, чур, не слушать по нему никаких Tokio Hotel! В письменном столе в моей комнате есть диски – возьми оттуда. Советую начать вот с этих:

- Radiohead – Kid A и Hail to the Thief;
- Placebo – Sleeping with Ghosts;
- The Libertines (там должно быть два диска, слушай оба, не могу выбрать один);
- Nirvana – Nevermind.

Помни, кругом полно групп, которые называют себя рокерами, но они только притворяются: на самом деле у них нет души и они с радостью возьмут твою.

Status: *прочитано*

From: Ника

6 мая 2007, воскресенье

Женя,

спасибо! Я нашла The Killers, альбом Hot Fuss, и пока они нравятся мне больше всего, потому что веселые.

Правда, мне не всегда понятно, о чем поют. У них ведь есть душа? Сходим на их концерт, когда я приеду к тебе в гости с родителями?

Status: прочитано

From: Женья

10 мая 2007, четверг

Ника,

конечно, ходим! И автографы возьмем. The Killers настоящие, и я скоро увижу их тут на одном музыкальном фестивале.

Кстати, у меня идея. Пиши мне в каждом сообщении, что слушаешь. Буду растить из тебя главного редактора «Роллинг Стоун»!

Status: прочитано

From: Ника

13 июня 2007, среда

Женья,

у меня каникулы, и мы с родителями уезжаем. Беру с собой твои диски, буду писать. Очень-очень скучаю. С тех пор как ты уехала в университет в Англию, дома как-то пусто.

Слушаю Radiohead почти каждый вечер, когда засыпаю.

Люблю тебя!

Status: прочитано

From: Женья

14 июня 2007, четверг

Ника,

здорово! Надеюсь, родители не слишком тебя достанут на каникулах. Но если что – ты знаешь, что делать. Наушники в уши – и ты среди друзей, которые всегда поймут.

Кстати, попроси маму купить тебе айпод. У групп, которые я посоветовала, полно других альбомов.

Status: прочитано

From: Ника

19 июня 2007, вторник

Женья,

как твои дела? Как каникулы? Мы на море, оно большое и такое сиреневое. Я снова слушаю The Killers, иногда еще The Libertines. Остальные группы какие-то слишком грустные для летних каникул.

Скучаю. Скорее бы август.

Status: не прочитано

From: Ника

23 июня 2007, суббота

Женья,

чего не отвечаешь?

Мама что-то приболела, и мы больше не ходим на пляж. Я гуляю одна и слушаю Placebo. Тоска.

Status: не прочитано

From: Ника

23 июня 2007, суббота

Женя,

мама очень переживает, просит, чтобы ты ей позвонила. Ничего не слушаю, очень волнуясь.

Status: *не прочитано*

From: Ника

4 июля 2007, среда

У тебя все хорошо? Где ты? Почему не читаешь мои письма?

Status: *не прочитано*

From: Ника

26 июля 2007, четверг

Женя,

где ты? Мама совсем разболелась, ходит по врачам. Тут все считают, что я маленькая, и ничего мне не рассказывают. Думают, я не пойму. Мне страшно и очень грустно, но я надеюсь, что все будет хорошо. Пожалуйста, ответь мне!

Status: *не прочитано*

From: Ника

12 ноября 2007, понедельник

Привет!

Слушаю твой диск Nirvana на повторе уже пару недель.

Ты мне уже давно не отвечаешь, но я все равно напишу. Мне кажется, никто больше не станет тебе писать, а ты должна знать. Сегодня умерла мама. У нее еще в июле нашли рак, было уже слишком поздно лечить. Я не писала тебе об этом раньше – надеялась, что все обойдется и с тобой, и с ней.

Но от тебя ничего не слышно уже больше трех месяцев. Она тоже больше никогда ничего не скажет и не напишет мне.

Похороны будут в четверг. Если сможешь, приезжай, ладно? Тут все сошли с ума, особенно папа. Я раньше не видела, как он плачет.

Мама, пока болела, все время спрашивала о тебе, постоянно звонила куда-то, пока папа не забрал у нее телефон. Он сказал, что твоими поисками занимается полиция, что ты большая девочка и с тобой все будет хорошо. Мама так просила тебя найти, а потом впала в кому и больше не просыпалась.

Я не плачу. Мне кажется, все этого ждут, а я не могу. Я просто слушаю музыку в плеере в темноте и думаю о тебе.

Status: *не прочитано*

From: Ника

16 ноября 2007, пятница

Вчера похоронили маму. Она лежала в церкви в гробу, все ее целовали, а я не могла. Потому что это была уже не она, а просто какая-то напудренная кукла. Она никогда не красилась вот так, когда была жива.

Не знаю, что со мной происходит. Сегодня папа разрешил мне не ходить в школу. Я целый день одна дома, и мне кажется, что все не по-настоящему. Мне не плохо и не хорошо, мне просто никак. Это когда-нибудь закончится?

From: Ника

1 января 2008, вторник

С НОВЫМ ГОДОМ ТЕБЯ, ТУПАЯ СУКА!

Как ты могла бросить меня?

Р. S. И да, я слушаю Tokio Hotel – приди и накажи меня, уродина, надеюсь, ты умерла.
Как и мама.

Status: *не прочитано*

From: Ника

2 января 2008, среда

Женя, прости за то, что я написала. Я очень скучаю. Обещаю выкинуть диск Tokio Hotel – они отстой. Просто я вчера напилась в первый раз в жизни.

Status: *не прочитано*

From: Ника

23 апреля 2008, среда

Сегодня тебе 22. Поздравляю. Интересно, ты празднуешь сегодня? Ем торт ложкой из коробки и слушаю «I Get

Along» The Libertines. Угадай, какой момент в песне мой самый любимый?

Status: *не прочитано*

From: Ника

23 апреля 2009, четверг

Привет!

С днем рождения! Начну с новостей.

Папа женится на Ольге. Она хостес из ресторана, красивая. Вроде добрая, но я все равно ее ненавижу.

Слушаю My Chemical Romance – знаю, ты скажешь, они хрень, но больше ничего не помогает.

Status: *не прочитано*

From: Ника

23 апреля 2010, пятница

Привет!

С днем рождения!

У нас родился брат. Кругом сплошные розовые сопли, и меня воротит от всех. Я покрасила волосы в черный цвет, напилась, и меня тошнило полночи. Как отец мог так быстро забыть вас?

А еще распались Oasis. Ноэл ушел из группы, теперь уже точно.

Папа подарил новый айпод. Скачала Green Day. Они хрень или нет? Мне кажется, тебе они понравились бы.

Status: *не прочитано*

From: Ника

23 апреля 2011, суббота Nirvana – «Lithium»

Привет!

Ты умерла, я это чувствую. Кажется, это возможно у близких родственников – ощущать, что разорвана какая-то связь. Я думаю, это случилось в тот день, когда в последний раз включался твой телефон, – 13 июля 2007 года. Британская полиция, впрочем, считает иначе. Я знаю, потому что однажды папа напился и расчувствовался, и я развела его на рассказ о расследова-

нии. Оказалось, твой телефон засекли в последний раз в графстве Кент, откуда уходят паромы и поезда на материк. Они думают, ты поехала в Париж или в Амстердам, или утонула, или тебя похитили бобры-зомби. В общем, им все равно. Они сказали, ты входила в группу риска – трудный подросток, все дела. Типа «мы знали, что так и будет, нечего было визу выдавать».

А я часто представляю себе, как ты стоишь на вершине отвесной меловой скалы, на самом краю, а потом раскидываешь руки и кричишь: «Фак е-е-е!» – как рок-звезда перед бешеной толпой. Такая невозможная ты.

Status: *не прочитано*

From: Ника

13 июля 2011, суббота

My Chemical Romance – «The Ghost of You»

Сейчас шесть утра, и я встречаю рассвет на крыше многоэтажки. В наушниках тихонько играет MCR (ну и что такого!), и я смотрю, как восходит солнце, вот прямо в эту минуту. Четыре года. Я уже и вспомнить не могу, какой была до всего этого. Могу представить себе твое лицо, только если совсем напрягу мозги. Ты даже уже почти мне не снишься, только изредка вспоминаю тебя, и маму, и наши музыкальные вечера, когда мы включали старые кассеты и кружились в центре комнаты, как феи на лесной опушке.

Наверное, теперь я буду отмечать эту дату как день твоей смерти. Другого дня у меня нет. Чем старше я становлюсь, тем труднее мне верить в то, что ты вообще жила на свете. Легче вести себя как отец – будто тебя никогда и не было.

Пора отпустить тебя, как воздушный шарик. Только они приземляются в море и отравляют мир, поэтому шарика не будет. Только песня и рассвет.

Status: *не прочитано*

03:56 / 14 июня 2015, воскресенье

Arcade Fire – «We Used to Wait»

Привет!

Не помню, в какой момент ты пропала из моих мыслей и снов. Наверное, это случилось вскоре после той церемонии прощания, которую я устроила тебе на крыше. Если честно, я вообще не задумывалась об этом до недавнего момента, когда вдруг поняла, что ты снова живешь у меня в голове. Дело в том, что со мной кое-что случилось.

Только давай я сначала расскажу тебе о своей жизни, чтобы ты понимала, как я оказалась здесь с ноутбуком под одеялом, обуруемая непреодолимым желанием говорить с мертвыми.

Не то чтобы мы были с тобой лучшими подругами, нет. Я всегда ревновала к тебе маму, вы были так близки, она всегда подолгу сидела с тобой перед сном, вы о чем-то болтали и шушукались. Но помнишь, однажды все изменилось. Мама сказала тебе что-то, и ты разозлилась на нее до слез. А потом взяла и уехала. Сначала к подруге, потом в Англию, в университет. Тогда-то я и начала скучать. Без тебя из нашего дома пропало веселье, все как-то надломилось. Я так радовалась, когда ты сделала мне эту страничку в соцсети. Думала, мы будем общаться. А дальше...

Вот то, что я помню. Я видела тебя в последний раз, когда мне было тринадцать. Я навсегда запомнила проводы: папа тогда решил не брать меня в аэропорт, и я махала тебе из окна нашей многоэтажки. Ты обернулась, перед тем как сесть в машину, будто почувствовав мой взгляд, и помахала мне в ответ. Некоторые умирают как мама – после долгого прощания, когда совсем не остается сил. А некоторые, как ты, просто исчезают. Я открываю глаза – ты стоишь передо мной и улыбаешься. Опускаю веки и поднимаю снова: тебя уже нет.

Я помню, в тот твой приезд мы втроем с мамой пошли гулять в большой торговый центр. Это был последний такой поход и, наверное, самый лучший для меня. Ты пропала, мама умерла. Больше никто не водил меня по магазинам, папа просто давал мне деньги.

Довольно долго я чувствовала только пустоту. Потом у меня начался период ненависти ко всему живому: побег из дому, дешевый алкоголь и бесконечная музыка в темноте.

– В конце концов, что осталось после тебя? Только музыка. Твои диски. Знаешь, они изменили меня навсегда, может, даже больше, чем твое исчезновение или мамина смерть. Они придали всему болезненную глубину. Мне сложно доверять людям, пока я не узнаю, какую музыку они слушают. Притом есть большая разница между тем, что написано у них на футболке, и тем, что они включают в пять утра, когда напиваются в соплях в полном одиночестве. Меня вот всегда интересует второе.

В начале десятого класса я решила, что пора взять себя в руки. Я остригла свои черные волосы, взялась за учебу, завела друзей и даже правильного скучного парня на пару лет постарше. Жизнь может быть легкой и веселой, если придумывать себе достаточно интересных дел, не останавливаясь ни на минуту и не давая себе заглянуть в бездну, которая отделяет тебя от мира. После выпускного я решила взять год передышки, покататься по свету, а потом поехать учиться в Лондон. Не для того, чтобы быть похожей на тебя, а потому что это престижно и круто. И меня звали сразу несколько университетов, потому что я была умной, а у папы были деньги и, видимо, желание избавить свою новую семью от моего присутствия. Конечно, отец любит меня, я это знаю. Но я сильно напоминаю ему о прошлом, которое он явно решил оставить позади.

Не скажу, что я была оверачивером, но мне нравилось считать себя сообразительной, хорошо организованной и с головой на плечах. От меня никто не ждал безумств. Только успехов и побед. Я тусила с правильными людьми, путешествовала, никогда не проваливала экзамены, получала от жизни удовольствие. Самой большой моей проблемой стал выбор темы для дипломной работы.

Это было в конце марта, прямо перед тем, как все разъехались на пасхальные каникулы. Я не большой любитель студенческих баров – они наводят тоску, но в тот день девочки из моей группы по маркетинговому анализу предложили пойти выпить в пабе у нас в кампусе. Внутри было шумно и людно, я заказала какой-то разноцветный коктейль и медленно пила его через трубочку. Из колонок играла «Love Spreads» The Stone Roses. Потом у меня зазвонил телефон, и я, скрываясь от галдящей толпы, вышла на улицу. Всего на пару минут. Кто-то ошибся номером. Потом я вернулась обратно к стойке. Было восемь вечера.

Это последнее, что я помню. Я открыла глаза и обнаружила, что нахожусь в своей комнате в общежитии. Привычным движением я потянулась за телефоном, чтобы посмотреть, который час, и проверить обновления в соцсетях. Я всегда держала его на тумбочке возле изголовья. Но сейчас его там не было. Как и самой тумбочки. Я села в кровати и огляделась. Комната была точной копией моей, только в ней не было ничего моего. Приподняв краешек занавески, я увидела, что и вид из окна совсем другой: на парковку и улицу, а не во двор. Я оказалась в другом крыле кампуса. Я оглядела себя. Свитер был наизнанку. Платье расстегнуто сбоку. Легинсы и сумочка валялись на полу. Я потерла лицо руками и медленно встала. Собрала с пола вещи, надела кеды на босу ногу и вышла в холл. Коридор был пустым и гулким – все уехали на каникулы.

Знобило и очень хотелось пить. Я зашла на кухню и пила из-под крана, пока не почувствовала, что не могу проглотить больше ни капли. Все было похоже на сон или фильм, я будто наблюдала за собой откуда-то со стороны. Воздух был густым и зеленоватым, как морская вода. Дойдя до своей комнаты, я заперлась изнутри и разделась догола. На теле не было ни синяков, ни царапин, только какой-то незнакомый запах в волосах.

Был полдень. Значит, я потеряла примерно шестнадцать часов. Я встала под душ и открыла воду. Потихоньку подкручивала горячий кран, пока ванная не заполнилась густым паром. Потом я опустилась на пол и осталась сидеть так, обняв колени, пока не перестала дрожать.

Судя по симптомам, мне в коктейль подмешали какую-то дрянь. А потом увели куда-то и делали со мной что-то, чего я никогда не вспомню. Я потеряла шестнадцать часов своей жизни. История в телефоне была чиста – я никому не звонила и не отправляла сообщений, ничего не постила и не фотографировала. Меня тоже никто не искал. Я забралась под одеяло с головой и включила музыку.

Так прошло две недели. Все уехали на каникулы, мне никто не писал, не звонил, не напоминал о той ночи. В первый день семестра я нашла себе комнату в квартире, которую снимала недалеко от кампуса моя знакомая американка с факультета журналистики, и переехала туда. Сама мысль о том, чтобы находиться в общежитии, вызывала рвотный позыв.

Подумать только, чья-то чужая воля разом превратила меня в жертву, в предмет, в резиновую куклу из чужих фантазий. Абсолютно беспомощную и беззащитную. Это жутко. Я не могу перестать думать об этом ни на минуту последние несколько месяцев.

Не знаю, насиловали меня или нет. И не хочу знать. Я просто купила таблетку для экстренных случаев и сдала анализы через несколько недель. Все было в порядке. Я запретила себе возвращаться к той ночи. Это оказалось легко, ведь все мои мысли внезапно стали заняты тобой.

Теперь, уверена, ты понимаешь цепочку моих умозаключений. Я исчезла на целых шестнадцать часов, и никто не заметил моего отсутствия, не поднял тревоги. Когда я осторожно спросила у девочек, как прошел вечер, они только выразили сожаление, что я так рано ушла домой, да еще и не попрощалась. Никто из них не видел, как я уходила.

В следующий раз, когда я пришла в бар в кампусе при свете дня, я сразу обратила внимание на камеры: они были повсюду – у входа, над баром, возле танцпола. Наверное, если бы со мной случилось что-то плохое, кто-нибудь просмотрел бы записи. Как твою последнюю запись с остановки в Ноутоне: ты стоишь, ветер развеивает волосы. Проезжает автобус, он закрывает камеру всего на секунду, а тебя уже нет.

Ведь с тобой могло произойти то же самое – бар, незнакомец с рогипнолом, нерадивые друзья. Я потеряла шестнадцать часов. За это время можно отправить человека очень далеко.

За три часа можно вывезти человека из страны, еще за двенадцать – переместить в любую точку Европы. Я могла проснуться в подвале какого-нибудь опрятного дома в пригороде, в собачьей клетке, в подпольном борделе, который рекламируют в дарквебе. Потом, спустя несколько недель голода, побоев и изнасилований, я бы сломалась. Ты бы сломалась. Кто угодно бы сломался. Или умер.

Я прокручиваю в голове события, предшествовавшие твоему исчезновению. Ты вышла из дому с маленьким рюкзачком, дошла до автобусной остановки и пропала навсегда. А потом, тринадцатого июля, ты включила телефон в графстве Кент, откуда уходят корабли и поезда в Европу. Может быть, тебе удалось пронести мобильный с собой и ты хотела попросить о помощи?

У меня есть три теории. Первую я уже изложила: тебя похитили торговцы живым товаром. В год этот бизнес приносит больше тридцати миллиардов долларов. Я читала истории выживших. В какой-то момент я начала рассказывать всю свою жизнь от третьего лица. Получалось что-то типа: в тот день она решила пойти в студенческий бар, и больше ее никто не видел. Если я права, кто-то втерся к тебе в доверие, что-нибудь пообещал и обманул. Скорее всего, ты уже мертва. А если нет, то я даже не знаю, что хуже.

Свою вторую теорию я сформулировала во время одной из бесконечных бессонных ночей за просмотром документальных фильмов из серии «Самые громкие нераскрытые преступления».

ния». Как замороженная, я слушала рассказы усатых детективов в кожаных пиджаках о том, что сказали им улики и как подозреваемые завিরались на допросах. А еще там показывали настоящие фотографии и вырезки из газет – это самое интересное. Среди выцветших фото маленьких девочек, домов, огороженных полицейской лентой, и улыбающихся запекшейся кровью черных орхидей я увидела один заголовок, который особенно взбудоражил меня.

Никто не знает, как ее звали и в каком году она умерла; это могло случиться когда угодно, с семидесятых до конца нулевых, тело было замуровано почти без воздуха, и мнения судмедэкспертов расходились. На ней было голубое платье и синий лифчик; ее обнаружили в развалинах дома в Манчестере, в Энджел-Мидоу, когда какая-то корпорация решила снести подчистую район трущоб и выстроить на его месте гигантский блестящий небоскреб. Ее никто не искал, за ней никто не пришел. Полиция воссоздала ее лицо по строению черепа, и это была не ты. Но вдруг ты тоже лежишь в подвале какого-нибудь дома, как в рассказах Эдгара По?

Интересно, почему в моем воображении всегда появляется подвал? Я всегда вижу бетон, серый и несокрушимый. Почему твоя могила не может быть на бескрайнем зеленом лугу? Почему ты не могла прорасти в этот мир тысячей цветов? Нет, этого я не могу себе представить.

А еще мне кажется, что ты и правда могла плюнуть на нас всех и сбежать. Я вспоминаю твой последний приезд, и мне все чаще кажется, что уже тогда что-то было не так. Ты грустила. А ты никогда не грустишь. Значит, тебя что-то тревожило и мучило, какой-то опасный секрет, который ты унесла с собой туда, где ты есть сейчас.

Я уверена, есть кто-то, кто знает гораздо больше, чем говорит. И я найду его и заставлю привести меня к тебе.

Status: *не прочитано*

23:49 / 20 июня 2015, суббота

The Killers – «Bones»

Я не знаю, что это было. Голос Бога, хлебные крошки, тайные послания с того света?.. Но, наверное, не так уж безумны люди, которые верят: если хотеть чего-то всем существом, Вселенная обязательно поможет. После почти трех месяцев копаний в интернете пару дней назад я наконец нашла твой след. Конечно, я не искала его осознанно, просто лежала с ноутбуком, завернувшись в покрывало, как гигантское буррито, и предавалась мрачной ностальгии. И если честно, мне просто не хотелось выходить на улицу. Все вокруг напоминало о тебе: воссоединение твоих любимых The Libertines, горячий, саднящий в ноздрях воздух летнего Лондона, слова, звуки, рисунки в облаках.

Я смотрела старые записи концертов The Killers и представляла себе, что мы пошли на них вдвоем, как ты мне обещала. Видео шли одно за другим – сплошь 2006 и 2007 годы. Тихонько подпевая, я потянулась за чаем. И тут я вспомнила твое письмо – ты говорила о том, что собиралась увидеть их на фестивале в Англии в то лето. Я открыла список городов их турне и нашла выступление, которое подходило под твое описание. После этого я начала методично просматривать все видео, выложенные с него на «Ютубе».

Это была довольно безнадёжная затея, мои глаза слипались после пары часов непрерывного просмотра. Я глотнула чая и опустила веки, позволив на секунду отдохнуть глазам. Когда я подняла их снова, картинка сменилась. The Killers давали интервью, стоя по колено в грязи посреди толпы прогуливающихся людей. У Брэндона Флауэрс были гусарские усы и переливающийся золотой сюртук.

И тут я увидела тебя. Я резко вскочила. Чашка с чаем выпала у меня из рук и покатилась, оставляя за собой на покрывале гигантское бурое пятно, похожее на кровь на архивных фото мест преступлений.

Я нажала на паузу, и картинка остановилась. Красивое лицо Брэндона исказила демоническая усмешка. Метрах в десяти позади него стояла невысокая девушка в бледно-голубом

платье и венке из цветов – ты. Я снова запустила видео. Ты улыбалась и махала рукой в камеру. Потом подошла и взяла у Флауэрс автограф. На этом запись обрывалась.

В подписи говорилось: «Гластонбери'07». Я проверила даты: The Killers выступали в субботу, двадцать третьего июня 2007 года. Они были хедлайнерами этого дня. Видео с автобусной остановки было снято двадцать второго июня. Значит, вот куда ты ехала.

Гластонберийский фестиваль современного исполнительского искусства, как сообщала «Википедия», является крупнейшим легендарным музыкальным оупен-эйром с сорокапятилетней историей. Его организовала сама внучка Уинстона Черчилля, Арабелла. Считается, что выступление на Гласто – ярчайший момент в карьере любого рокера, нет ничего круче, в один голос утверждают музыкальные критики. В 2007-м фестиваль посетило сто семьдесят семь тысяч человек. Уличный цирк, театр, фокусники, футболисты, журналисты, комедианты, художники, музыканты, торговцы, знаменитости, королевская семья, десятки тысяч улыбающихся, вымазанных в грязи и абсолютно обдолбанных мальчиков и девочек. Плюс ты и тот, кто отнял тебя у меня. Я думаю, вы познакомились именно там. Я просмотрела видео еще раз двадцать в надежде найти малейший намек, какой-нибудь след, зацепку – что угодно. Только ты, твоё платье, венок, улыбка – и больше ничего.

Потом я написала в оргкомитет фестиваля. В тот год ввели регистрацию всех посетителей по фото: так устроители борются с подделкой билетов. Тебя в списках не было, адреса твоей электронной почты и фотографии не было в их базах. Тебя не должно было там быть. Но ты была. С кем? Кто провел тебя мимо охраны?

Я пошла на кухню закинуть покрывало в стиральную машину. Хотя не сомневалась, что оно испорчено. Там я встретила свою соседку. Мы не особо дружили, но вовсе не потому, что она мне не нравилась. Просто тот случай с рогипнолом заставил меня усомниться во многом, в том числе в дружбе как в социальном явлении в целом.

– Как дела? – спросила Лора, не отрывая взгляда от экрана своего ноутбука.

– Спасибо, все окей, – улыбнулась я. – Лора, а ты ведь была на Гластонбери?

– Да. – Она бросила на меня заинтересованный взгляд поверх очков. – В прошлом году.

И в этом тоже поеду. А что?

– И как оно? Что там за люди? Там опасно? – Вопросы так и посыпались из меня.

Лора повернулась ко мне на стуле. Ни разу еще я не спрашивала ее ни о чем, не имеющем отношения к нашему совместному быту.

– Опасно? Ну как тебе сказать?.. Туда точно не стоит ехать в одиночку, потому что там миллион человек, и все стараются за одни выходные оторваться на год вперед. Не то чтобы я видела там враждебный настрой, но отморозков везде хватает, сама знаешь.

Я кивнула. Она продолжила:

– Атмосфера там, конечно, особенная. Гластонбери – удивительный волшебный мир. Это не похоже ни на один фест, где мне приходилось быть. Но, конечно, нужно быть немного хиппи в душе, чтобы по-настоящему проникнуться тамошней атмосферой. Это одно из последних мест на земле, где все ради музыки.

Да, кстати о музыке. Я люблю музыку, я не могу жить без нее. Но на концерты не хожу. Музыка, живая и обжигающая, заставляет меня думать о вещах, которые лучше забыть. О тебе, например, и о том, почему папа не стал искать тебя. Рок-концерты – это как оральный секс, тот момент, когда начинает коротить пальцы ног. Я никогда не захожу дальше, я боюсь потерять контроль над своим телом и мыслями, в этот момент я всегда отталкиваю партнера и иду умыться холодной водой.

Рок – это искусство, а не молитва; чтобы быть его адептом, не обязательно принимать его дары, бить в бубен посреди поля и приносить жертвы. Оказываясь на концерте, я обычно стою у бара с пивом и читаю свой фид в соцсети или болтаю с барменом. Что угодно, лишь бы не дать музыке проникнуть под кожу. Потому что настоящий рок заставляет чувствовать, страдать по-

настоящему. А это все равно что слезы или секс: слишком горячо и слишком интимно, чтобы демонстрировать на публике.

В этот момент я понимаю, что губы Лоры еще шевелятся, она что-то говорит, но я так далеко ушла в собственные мысли, что даже не слышу собеседника, как это часто бывает со мной. Она заканчивает на вопросительной интонации. Я киваю. Она повторяет вопрос:

– А почему ты вдруг решила спросить?

Правда в том, что я никому не рассказываю о тебе. Ненавижу, когда меня жалеют, ненавижу быть маленькой и несчастной. То есть, конечно, люблю, но только наедине с собой. Поэтому, кстати, после той ночи я и не заявила в полицию и даже не рассказала службе охраны в общежитии о том, что со мной произошло. Я Ника, дочка русского бизнесмена; я мою голову каждый день и никогда не опаздываю; я блестящая студентка, перед которой открыты все пути. Моя темная сторона принадлежит только мне. Никому не нужно знать, как последние месяцы я просыпаюсь в четыре утра, охваченная необъяснимым ужасом, и мне кажется, что из темноты на меня кто-то смотрит, или как я потом успокаиваю себя, слушая затертые до хрипа диски на старом CD-плеере, укрывшись одеялом с головой. Да и что мне сказали бы копы? Только то, что я виновата во всем сама. Но сейчас все было иначе, это было не нытье и не способ привлечь к себе внимание: мне требовалось чужое объективное мнение, не замутненное. Мне надо было спросить Лору о тебе.

– Можно? – Я нагнулась над Лориным ноутбуком, нашла видео и нажала на «плей».

– Это моя сестра. – Я ткнула пальцем в экран.

– Брендон Флауэрс – твоя сестра?

– Нет, девушка сзади. Это Женя, моя сестра.

Лора сдвинула брови.

– Ого, прикольно! Твоя сестренка тусуется с крутейшими рокерами за кулисами главного музыкального фестиваля планеты. Правда, это 2007 год.

– Только вот у меня больше нет сестры. – Мой палец был все еще прижат к экрану.

– А это тогда кто? – Лора растерянно смотрела на меня. – Типа твоя духовная сестра? Ника, я что-то не догоняю.

– Это моя сестра, но она пропала без вести. – Я провела пальцем по дате под видео. – В 2007-м, накануне того, как было снято видео.

– Ничего себе! Ника, мне так жаль. – Лора похлопала меня по плечу. – Как это произошло?

Видно, сказались недели одиночества, проведенные взаперти в комнате под одеялом, потому что от этого незамысловатого человеческого контакта внутри у меня будто открылся шлюз. Я говорила и говорила, даже не задумываясь о том, насколько сбивчивым получалось мое повествование.

– Эта девушка – моя сестра, ее зовут Женя, но она любила, когда ее называли Джен. Она старше меня на восемь лет. Когда ей было девятнадцать, она уехала в Англию изучать кинематограф. В 2007 году, летом, она пропала без вести. Я точно не знаю, в какой именно день, потому что была тогда в отпуске с папой и мамой, мы не звонили ей две недели. А когда вернулись, ее телефон был уже выключен. Есть видеозапись, как она стоит на автобусной остановке с рюкзаком. А потом как будто растворяется в воздухе. Куда она уехала, никто не знал – до сегодняшнего дня.

– Жесть какая. – Лорины глаза расширились. – Что сказала полиция?

– Да особо ничего. – Я перевела взгляд на колышущиеся от ветра ветви вязов за окном. – Только одно: ее телефон был активен еще раз, в середине июля, где-то в графстве Кент. Полицейские сказали, что она, вероятно, пересекла границу.

– Но она ведь могла уехать сама?

– Да, вот только отметок о том, что она пересекла границу Британии, так и не нашли. А ведь нас, русских, всегда проверяют на въезде и выезде, нам же виза нужна. Значит, уезжала она в чем-то багажнике.

– А паспорт ее нашли?

– В том-то и дело, что нет. Поэтому британской полиции хватило улик, чтобы заявить, будто это уже не их забота. Молодая девушка из страны, с которой не самые теплые отношения, без имущества, мужа и нормальной работы – она и так была в группе риска. Как, впрочем, наверное, и я сама. Просто еще один пункт в пользу ужесточения визового режима с Россией.

– Мда-а-а, – протянула Лора.

– В общем, дело было давно, я даже не очень помню ее. Мы не особенно дружили – разница в возрасте, сама понимаешь. Но знаешь, в детстве я всегда немножко завидовала ей и очень хотела быть как она.

Лора еще раз обняла меня за плечи, но теперь мне от этого было только неловко. Мне пришлось изобразить, что я тянусь к коробке с печеньем, чтобы скинуть с себя удушливую петлю сочувствия.

– А теперь я знаю, что она поехала на Гластонбери, – запись сделана на следующий день после того, когда ее видели в последний раз на остановке в городке, где она жила.

Лора достала две чашки и поставила чайник.

– Будешь?

Я кивнула и села напротив. Она включила музыку, что-то тоскливое голосом Ланы Дель Рей. Но ты, наверное, понятия не имеешь, кто это.

– Как думаешь, может вдруг оказаться, что она жива? – нерешительно спросила я, как будто бы ее ответ и правда мог что-то значить.

Лора грустно пожала плечами:

– Знаешь, я думаю, надо сделать пост в соцсети. Опубликовать ссылку на видео, пару фотографий твоей сестры и то, что ты мне рассказала. Поставить хештеги Гласто и, может, The Killers. Вдруг кто-то видел ее там и вспомнит что-нибудь важное.

– Да, стоит попробовать, хотя и прошло уже слишком много лет, – сказала я, поднимаясь со стула. В масштабах моей жизни восемь лет были целой эпохой.

Я должна найти тебя. Живую, мертвую, запертую в чем-то подвале, работающую на улице или живущую в коммуне в Гималаях. Я должна найти тебя. Даже если увижу только твои кости. Я должна найти тебя и, если кто-то причинил тебе зло, обязательно наказать обидчика. Теперь, после того, как я нашла первую улику, или, скорее, первая улика нашла меня, эта мысль накрыла меня с головой.

Я выглянула в окно на залитые желтым, как фильтр соцсети Kelvin, светом фонарей ночные улицы. Все, что осталось мне от тебя, – коллекция компакт-дисков, плеер и страница в соцсети, так и болтающаяся, будто ничего не случилось. Я так и не решилась сделать из нее памятную: а вдруг ты когда-нибудь захочешь залогиниться и выложить несколько своих фотографий с доской для серфинга на фоне апельсиновой рощи где-нибудь в Южной Калифорнии. Ведь говорят же, что многие люди, которых считают пропавшими без вести, находятся потом в Калифорнии.

Я зашла на твою страницу и открыла альбом с фотографиями – их было не много, я знала их наперечет. Насколько я понимаю, тогда, в эпоху до смартфонов, вообще гораздо меньше фотографировались. Я выбрала ту, где ты шуришься от солнечных лучей и улыбаешься в камеру. Волосы перекинута на одну сторону по моде середины нулевых, в руке сигарета, из уха торчит наушник. Снято на чем-то заднем дворе в апреле 2007-го. Твоя самая последняя фотография из тех, что есть здесь.

Я смонтировала на телефоне стоп-кадр из видео и фотографию из соцсети, добавила информацию, которую знала: «Привет! Летом 2007 года без вести пропала моя сестра Джен.

Сегодня мне стало известно, что перед исчезновением ее видели за сценой на фестивале Гластонбери. Если вы знали ее, пожалуйста, напишите мне. Остальных прошу просто репостнуть эту запись. Ну или хотя бы поставить лайк. Сестра – все, что у меня осталось, и я должна найти ее». Я нажала на кнопку «Опубликовать для всех». Потом выключила свет и залезла под одеяло. С недавних пор я стала одной из тех, кто укрывается с головой даже в адскую жару, – только это и защищает меня от подкроватных монстров.

Status: *не прочитано*

16:31 / 21 июня 2015, воскресенье

Radiohead – «How to Disappear Completely»

Привет!

Я пишу тебе из поезда. Думаю, это неплохая идея – вести репортаж о моих передвижениях хотя бы здесь, в соцсети. Тогда, если я тоже исчезну, у полиции будет хоть что-то. Но не стану забегать вперед – кто же любит спойлеры. Вдруг какие-то детали, которые ускользают от моего глаза сейчас, окажутся потом неоценимо важными для этой истории. Ха-ха, сначала я написала «для этого расследования», но потом удалила. И еще, у соцсети есть какие-то ограничения по количеству знаков в сообщениях. Поэтому иногда мое повествование будет обрываться в самых неожиданных местах.

Итак, тем утром, после своей находки на «Ютубе», я проснулась как от громкого хлопка над ухом и резко села в кровати. Я потянулась за телефоном, чтобы посмотреть, который час. Полдень. Не помню, когда я просыпалась так поздно. Следуя привычке любого интернет-зависимого существа, я сразу полезла проверять соцсети. Под моим вчерашним постом были лайки и тонна сочувствия от друзей в комментариях. До меня вдруг дошло, что про тебя никто не знал, кроме моих совсем старых школьных друзей, с которыми я давно не общаюсь. А тут я пощу такую сенсацию. Из-за вороха алертов я чуть не пропустила самое важное – френд-реквест от девушки по имени Ханна Беллами. Тебя в друзьях у нее не было. Пожав плечами, я приняла ее заявку и пошла чистить зубы и делать кофе.

По дороге я встретила Лору и рассказала ей про свой пост и бурю внимания, которая обрушилась на меня после.

– А что, просто великолепная идея для твоей дипломной работы, – сказала соседка, задумчиво пожевывая прядку розовых волос.

Я вспомнила наш разговор недельной давности о темах для дипломов, которые предстояло писать в следующем учебном году. Я мечтаю уехать в магистратуру в Штаты, но для этого надо по-настоящему блеснуть. Там никому не нужны посредственности.

– Что именно? – осведомилась я, когда мы вместе зашли на кухню.

– Поиск пропавшего человека с помощью соцсети, только подумай! Сила социальных сетей. Ты можешь провести расследование, а потом опубликовать результаты у себя на странице. Марк Цукерберг прочитает и позовет тебя на стажировку.

– Ага, прямо позвонит мне по «фейстайм» среди ночи.

– Да ну тебя, история же просто офигенная!

– Если, конечно, здесь есть история. И если я что-то смогу найти.

– А вдруг да? Никогда ведь не узнаешь, если не попробуешь.

– Да расслабься ты, я же уже попробовала, пост висит, какие-то люди добавляются мне в друзья.

– Ну вот, о чем я и говорю! Недавно одна американка отыскала свою сестру-близнеца в Южной Корее через видеоблог про косметику. Поиск сестер сейчас в тренде. – Она неловко хихикнула. – Прости за бестактность!

– Да ничего, я привыкла. – Я подмигнула Лоре и, подхватив чашку, отправилась обратно к себе в комнату.

Вернувшись, я обнаружила новое сообщение от только что добавившейся незнакомки: «Привет, я Ханна, мы с Джен были лучшими подругами. Как поживаешь? Не знаю, чем могу помочь тебе, но если хочешь поговорить, я готова».

Я зашла на ее страницу: «Ханна, спасибо, что написала мне! Да, я хотела бы поговорить. Ты знаешь что-то про ее поездку на Гласто? Мы можем встретиться?»

Она появилась онлайн через секунду: «Легко. Когда тебе удобно?» – «Сегодня». – «ОК. Я поищу ее вещи». – «Вещи?» – «Да, за ними так никто и не приехал тогда». – «Ты предлагаешь встретиться лично?» – «Ну да. Ты в Лондоне?» – «Да». – «Это недалеко! Большинство поездов северного направления с Юстона идут до нас. Это час пути». – «А станция какая?» – «Каккая? Ноутон». – «Так ты тоже там живешь? До сих пор?» – «Вроде того. Скоро увидимся».

Я согласилась быстрее, чем успела обдумать перспективу путешествия на поезде в одиночку в незнакомый город. Похоже на прыжок в бассейн с вышки: или быстро и без раздумий, или так и не решишься. «Я приеду, буду там часам к пяти, ОК?» – «ОК». – «Спасибо!» Последним сообщением она прислала свой номер.

Я изучила ее страницу. Год рождения скрыт, но по виду ей было немного за тридцать; пухловатая ухоженная блондинка с типично британским лицом недоброго грызуна. У нее была маленькая дочка, лет пяти, волосы цвета имбиря и острое личико.

В ее альбомах я нашла ваши совместные фотографии. «Вечеринка Хеллоуин-2006»: ты в костюме французской горничной-вампириши, все лицо в бутафорской крови. Новогодняя ночь 2007 года – групповой снимок в пабе, ты хохочешь во все горло, тебя по-свойски обнимает за талию какой-то престарелый бородач с блестящими глазами, похожий на волшебника Мерлина. На следующей картинке ты, зажмурившись, залпом пьешь игристое вино. Красивая и пьяная, живая на каждой фотографии. Так странно – я не знаю никого из этих людей. «Что я вообще знаю о твоей жизни здесь, кроме тех историй об университете и смешных нелепых англичанах, которые ты рассказывала во время своих приездов? – задумалась я. – Что из них было правдой?»

Был еще один альбом – фото с телефона. Там на зернистых и пересвеченных снимках ты с сигаретой в зубах танцевала на концерте Babyshambles, откинув голову назад, будто языческая идолопоклонница.

Я заказала билет у окна на поезд в 16:15 и вышла в гостиную. Лора, как всегда, сидела с ноутбуком. Она удивилась, увидев меня одетую и с рюкзаком.

– Ого, собираешься куда-то? Ты? В выходной день?

– Да, поеду в Ноутон.

– Куда?

– Это город, где жила моя сестра. Мне прислала сообщение ее подруга, она увидела мой пост.

Лора радостно хлопала в ладоши:

– Вот это да! До чего интригующе: волна запущена! Никогда не знаешь, что она тебе принесет, какие находки! – Улыбка сошла с ее губ при виде моего тревожного взгляда. – Хочешь, я поеду с тобой?

Это было неожиданно, ведь подругами мы не были. С этими иностранцами я так никогда и не научилась до конца понимать, когда они правда милые, а когда так просто нужно сказать. В любом случае у меня было чувство, что в этот город я должна была отправиться одна.

– Да я всего на пару часов, это недалеко, да и делать там нечего: маленький полумертвый городок, – промямлила я.

– О, там, наверное, полно классных brutальных парней в поло «Фред Перри». Кстати, я уверена, что недавно слышала название города: оттуда родом кто-то знаменитый.

– Привезу тебе магнит на холодильник.

– Лучше привези brutального мужика британского. С во-о-от таким... подбородком! – Она залилась смехом.

– Ага, сразу после звонка от Марка Цукерберга! – крикнула я из прихожей, захлопывая дверь.

Я оказалась на вокзале Юстон впервые. Огромный и клаустрофобический, холодный и душный одновременно, он проглотил меня сразу и без остатка, как будто меня никогда и не было вовсе. По статистике, вокзалы часто становятся последним местом, где видели пропавших без вести людей. Я постаралась несколько раз пройти прямо под камерами, повернувшись к ним лицом, теперь это как чек-ин для меня – кто бы ты ни был, человек по другую сторону этой камеры, знай: я, Ника, была здесь.

Удобно устроившись на сиденье, прихлебывая кофе, я задумалась о том, что никогда еще не была нигде севернее аэропорта Лутон. Я оглядела вагон, наполовину заполненный беспечными улыбчивыми пассажирами. Пара пенсионеров громко переговаривалась через проход, стайка девчонок школьного возраста хихикала над статьей в журнале со сплетнями про звезд, кто-то позади меня аппетитно шуршал фантиком от шоколадки. Слегка дернувшись, поезд медленно тронулся, на стеклах заиграли переливы солнечных лучей. На секунду грудь мне сдавило чем-то холодным и душным – наверное, это и называют предчувствием.

У меня было свое сказочное представление о городе, где ты жила и училась, мне было не по себе оттого, что еще какой-то час, и я столкнусь с реальностью. Мне казалось, там все немного похоже на Хогвартс: узкие, мощенные булыжником улочки, огромные викторианские особняки с привидениями, высокие изгороди, полные тайн заросшие сады и похожий на замок университет посреди парка.

Город медленно и нехотя закончился, уступив место сельским пасторальям: скучные одинаковые деревни, разрисованные граффити заборы вдоль железнодорожных путей и бескрайние цветущие поля цвета подводной лодки The Beatles.

Пространство между наушниками заполнил потусторонне прекрасный голос Тома Йорка – я слушала тот самый альбом, который когда-то посоветовала мне ты: «OK Computer».

Я думала о тебе. Когда я начала взрослеть, твой образ у меня в голове стал понемногу меняться. Появились вопросы, которых раньше не было. Но это началось только года через два после твоего исчезновения, когда ступор от осознания маминой смерти сменился шоком от новости, что у папиной новой жены будет ребенок. Ты проскользнула сквозь пальцы, по тебе никто не горевал. Но когда однажды утром я поняла, что пустота в жизни не хочет заполняться ни тряпками, ни бунтами и побегами, ни папиными деньгами, я поехала на нашу старую дачу, где с некоторых пор в гараже хранились вещи, твои и мамины. В пятнадцать я провела в этом гараже целое лето, слушая твои старые диски, куря украденные у отца «Мальборо» и вызывая в памяти твое лицо, которое постепенно начало стираться и замыливаться, как старая видео-пленка.

Сейчас, разглядывая в окно похожий на декорацию пейзаж, я снова и снова спрашиваю себя: кем ты была? зачем уехала из дома так далеко? почему исчезла? Эти мысли тревожат и успокаивают одновременно, как песни Тома Йорка или прогулки в темноте.

Я хочу сказать тебе, что отправилась в этот путь из любви к тебе. Но это будет обман, у меня есть другая причина. Знаешь, страх – огромная сила. Именно страх за свою жизнь заставил меня вспомнить о твоей, потерянной. Он изменил меня. За последние пару месяцев я научилась почти на автомате замечать камеры слежения, тревожные кнопки, полицейские участки и запасные выходы. Всегда плачу картой, обязательно чекинусь и держу включенным GPS. Меня, наверное, единственную радует, насколько пристально соцсеть и Google следят за нами и фиксируют наши маршруты.

Status: не прочитано

19:51 / 21 июня 2015, воскресенье

The Enemy – «We'll Live and Die in These Towns»

Я специально нашла эту песню, она очень в тему, не находишь? Послушай текст.

Когда поезд начал сбавлять ход, я достала из кармана телефон и набрала номер Ханны. Она взяла трубку почти сразу.

– Привет, это Ника!

– Да, привет! Смотрю, ты пунктуальная в отличие от сестры. – У нее был грубоватый прокуренный голос. – Я тебя встречу на машине.

– М-м, не нужно. Я хочу пройтись, посмотреть город.

– Как хочешь.

Мы договорились о встрече в кофейне на центральной улице, минутах в двадцати ходьбы. Google построил оптимальный маршрут, и, выйдя из полного сквозняков здания вокзала, я пересекла парковку и повернула налево.

Кругом были пустующие кирпичные дома с забитыми досками дверьми и кварталы социального жилья, которые всегда легко узнать по крошечным окнам. Город выглядел удручающе. Вскоре путь мне преградила река, а точнее, мутный ручей шириной с двухполосную дорогу, на другой стороне которого вверх по холму за рядами викторианских домов виднелась городская ратуша. Следуя за голубым пунктиром на дисплее телефона, я повернула направо и оказалась на маленькой площади в центре очередного квартала. Из окон смотрели курящие женщины с толстыми щеками. На глаза попались знаки: «Работает система видеонаблюдения», «Место повышенной криминальной активности». Я насчитала аж четыре камеры на всех углах маленького сквера. Они смотрели в каждый из выходивших в сквер проходов между домами, усиливая впечатление опасности.

Пройдя мимо стайки детей, активно использующих сленг вроде «oi» и «innit»¹, я повернула налево и вышла на мост. Он был выкрашен в зеленый цвет и выглядел каким-то слишком новым и блестящим для подступившего к нему с обеих берегов упадка. На входе тоже висели камеры и предупредительные объявления. Я поспешила дальше, за речушку, мимо супермаркета, через парковку и вверх по улице, пока не оказалась на рыночной площади.

От жары все казалось немного замедленным. Густо пахло подгнившей клубникой и нагретой мостовой. Кругом сновали люди. Медленно и глухо били часы.

Это и есть твой мир? На меня нахлынуло дежавю. Часы на ратуше показывали 17:30, торговцы начинали разбирать лотки, последние покупатели в спешке меняли деньги на товар. На углу, возле католического храма с кладбищем и колоннами, продавец газеты «Big Issue» агитировал в поддержку бездомных, мигали вывески ломбарда и дюжины букмекерских контор. Где-то здесь камера и засняла тебя в последний до недавнего времени раз, промелькнуло у меня в голове.

Пройдя мимо магазина мобильных телефонов и «Бургер Кинга», я повернула налево, на широкую пешеходную улицу. Народу там было гораздо больше, и, лавируя между прохожими, я оказалась у дверей кофейни. Телефон завибрировал у меня в руке.

– Ханна?

– Ника, постой минутку, я, кажется, тебя вижу.

Я обернулась. Высокая блондинка махала мне рукой, вприпрыжку огибая препятствия.

– Ника! – Она легко обняла меня за плечи, обдав запахом дорогого бальзама для волос. – Как приятно познакомиться. Ты ну просто вылитая сестра.

– Правда? – с сомнением откликнулась я.

¹ «Oi!» – обращение чавс друг к другу, то же, что русское «эй», только грубее; *innit* (*isn't it*, «не так ли») – сленговое выражение, которое чавс чаще всего употребляют, произнося с вопросительной интонацией в конце предложения.

– Абсолютная правда, только ты чуть повыше и... – Она невольно приложила руки к груди.

Я рассмеялась:

– Ну да, я не такая плоская.

Мы взяли по холодному кофе и сели за столиком на улице.

– Ну вот, добро пожаловать в Ноутон, – Ханна обвела рукой площадь с театральной торжественностью, – обувную столицу Великобритании.

– Обувную?

– Да, этот славный город так называли годов до восьмидесятых, пока производство не перевели в Азию. Сейчас от бывшего великолепия осталась только одна фабрика, где шьют мужские туфли с вычурными названиями по тысяче фунтов за пару.

– Так вот откуда столько заколоченных окон!

– Какая наблюдательность, – с усмешкой кивнула она. – Я здесь родилась, поэтому уже даже не замечаю.

Небо над ратушей приобрело легкий пурпурный оттенок – близился вечер.

– Получается, ты ищешь ее, да? – после короткой паузы заговорила Ханна.

Я неопределенно пожала плечами. Пока я и сама не знала ответ на этот вопрос.

– Я только вчера нашла видео и сразу разместила в соцсети пост. Спасибо тебе, что откликнулась и согласилась поговорить со мной. Сама не знаю, что я хочу найти и отыщется ли хоть что-нибудь, но мне кажется, я не случайно увидела запись. Кстати, как ты вышла на мой пост?

– Уже и не помню, попался в ленте вроде. Наверное, у нас с ней до сих пор есть общие друзья.

– Но вы... были лучшими подругами?

Ханна кивнула:

– И не только. Мы были соседками, вместе снимали жилье. – Она заправила волосы за ухо и вздохнула. – Я познакомилась с ней в пабе, мы обе там работали. Поначалу Джен меня страшно раздражала, а потом я привязалась к ней. Она была милой. И такой открытой – рассказывала мне все на свете. Мне кажется, никто не знал ее лучше меня.

Я изо всех сил пыталась заставить мозг работать. Надо спросить что-нибудь важное, значимое. Я и без Ханны знала, что ты была милой. Ради этого не обязательно ехать в такую дыру.

– Ты говорила, у тебя остались какие-то ее вещи?

– Да, остались. Они в машине. Отдам тебе по дороге на вокзал, зачем таскать их туда-сюда.

– Ханна... – Я глубоко вздохнула, набравшись решимости. – Как ты думаешь, что с ней могло случиться?

– Дорогая, я еще тогда сказала полиции, что я думаю. – Она отхлебнула кофе и шумно проглотила. – Не знаю, насколько ты в курсе, но Джен собиралась уехать в Европу на все лето. Она познакомилась с какими-то американцами, у них были большие планы.

От ее слов меня прошиб холодный пот. Именно это страшило меня больше всего – надежда. Дурацкая, идиотская, глупая, но бесконечно живучая надежда.

– Странно, она ни разу не упоминала Европу в разговорах с мамой. Даже наоборот, обещала приехать домой на целый месяц в августе.

– Ну, может, это был секрет. Или она хотела сначала прокатиться по Европе, а потом поехать домой. Правда, я не знаю. Но со мной она только о своих новых друзьях и говорила.

– А что они были за люди, ты их знаешь?

– Нет, ни разу не видела.

– И ты говорила полиции все это?

– Да, – утвердительно кивнула Ханна, глядя мне прямо в глаза. – У них есть мои показания.

– А сестра говорила тебе, что едет на Гластонбери?

В задумчивости она потеряла подбородок:

– Такого я не припомню.

– То есть вы были лучшим подругами и она тебе не рассказала, что едет на фестиваль, билеты на который покупают чуть ли не за год? – выпалила я, тут же пожалев о своих словах, ведь ты не покупала никакого билета.

Ее лицо, и без того почти обездвиженное ботоксом, закаменело вовсе.

– Ладно, если начистоту, то мы с ней не особо общались последние месяцы перед тем, как она... Все было очень странно.

– Почему? Из-за чего?

– Я не знаю, как тебе сказать, да и надо ли вообще говорить теперь, когда столько лет прошло. Понимаешь, у нее были проблемы. – Она кинула на меня многозначительный взгляд. – Психологического характера.

– Какие проблемы?

– Джен всегда была такой увлекающейся, эмоциональной, гиперактивной. Но иногда у нее бывали спады. В общем, в последние пару месяцев она впала в депрессию.

– Депрессию? Я никогда не замечала, чтобы моя сестра...

– А много ли ты могла заметить, если вы жили в разных странах и ты была ребенком? – со вздохом пожала плечами моя собеседница. – Самая настоящая депрессия. Она запиралась у себя и ни с кем не общалась, только слушала музыку в темноте и без конца курила. Мне даже пришлось вынуть батарейку из пожарной сигнализации.

– Так странно.

– Я тоже удивилась, пыталась с ней поговорить, и не раз.

– И что она сказала?

– Что ей плохо и она хочет, чтобы ее все оставили в покое. А потом, недели за две до ее исчезновения, все изменилось.

– В какую сторону?

– Она вдруг спустилась из своей темницы, помыла голову, болтала со мной как ни в чем не бывало, рассказывала про классных ребят, с которыми познакомилась где-то в соцсетях, и про грядущее большое путешествие.

– А что это были за ребята? Ты помнишь подробности?

Она молча покачала головой.

– Может быть, было еще что-то? – настаивала я. – Какая-нибудь мелочь? Подозрительная деталь, которая тебе запомнилась?

– Я напишу тебе, если что-то придет в голову.

– А парень? У нее был парень?

– Никого постоянного.

– А что за бородатый мужик, который обнимает ее на фотографиях?

Она посмотрела на меня озадаченно, и мне пришлось отыскать в сети фотографию.

– Ах, этот! Алистер, наш босс в пабе, где мы работали с Джен.

– Похоже, он видел в ней нечто большее, чем просто работницу?

Ханна нахмурилась:

– Али был чудесным человеком и относился к нам как к своей семье. Не вижу ничего предосудительного.

– Ты сказала «был»?

– Он умер, покончил с собой. Жуткая история.

По тому, как, слегка поморщившись, Ханна посмотрела на часы, я поняла, что она не собирается развивать эту тему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.